

ПРОБЛЕМА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО СТАТУСА БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ¹

А. В. ВДОВИЧЕНКО

Лингвистический статус текстов Нового Завета и Септуагинты до настоящего времени составляет проблему, неразрешенность которой влечет за собой некогерентность концепции языка этих литературных памятников. Методологический инструментарий двух основных направлений в лингвистических новозаветных исследованиях (греко- и семито-ориентированных) позволяет достигнуть лишь констатации того, что данные источники имели малолитературный (разговорный) статус или были калькирующими переводами: «Авторы [Новозаветных текстов] слабо представляли себе, что они пишут литературу» (J. H. Moulton). Очевидные противоречия в принятых описательных схемах обнаруживают их несостоятельность. В статье, в частности, указывается на *невозможность* того, чтобы 1) целый литературный корпус был создан с использованием ненормализованного языка, 2) авторы Евангелий, будучи субъектами грекоязычной иудейской традиции, писали на ненормализованном языке, обращаясь к представителям той же традиции, 3) автор третьего Евангелия, засвидетельствовав свое виртуозное владение эллинским литературным языком во введении к Евангелию, затем неожиданно изменил аттицизму в пользу «ненормализованного варварского языка» (в действительности следует признать последний нормализованным и традиционным для той аудитории, к которой обращался евангелист), 4) семитские (арамейские или древнееврейские) оригиналы существовали только для малой части из огромного корпуса новозаветных и околонезаветных текстов (иудейские и христианские апокрифы и псевдоэпиграфы), которые повсеместно обнаруживают семитизмы, 5) в новозаветной ситуации была признана актуальность теории билингвизма в нынешней ее редакции, которая парадоксальным образом *отрицает* рефлексивность и опосредованность создания литературного текста; независимость родного языка автора от литературного, используемого им при создании письменного текста; сам факт существования «языка» как принятого способа взаимодействия автора и аудитории; адекватность отношений «автор—аудитория»; существование литературной традиции грекоязычной иудейской диаспоры, имеющей в действительности многовековую историю собственных лингвистических (в т. ч. литературных) практик (в статье приводится параллельная билингвальная ситуация с иудейским историком Иосифом Флавием, в случае которого отрицать данные признаки литературного творчества невозможно).

---

¹ Исследование выполнено в рамках НИР «Оптимизация коммуникативных процессов как предмет междисциплинарного исследования», государственный контракт 02.740.11.0370, Федеральная целевая программа «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России»; гранта РГНФ 08-04-00329а «Написание монографии “Лингвистические основания библейских исследований”».

Ключ к разрешению проблемы лингвистического статуса Нового Завета и Септуагинты лежит в сфере общей лингвистической методологии, требующей значительной корректировки на основании современных коммуникативных представлений о естественном вербальном процессе (в частности, необходимо значительное редуцирование системного подхода к фактам вербальной коммуникации).

Лингвистический статус текстов Нового Завета и Септуагинты до настоящего времени составляет проблему, неразрешенность которой влечет за собой *некогерентность концепции* языка этих литературных памятников. Противоречивость принятой описательной схемы освещается в *первой* части статьи.

Ключ к разрешению данной проблемы лежит в сфере общей лингвистической методологии, требующей значительной корректировки на основании современных коммуникативных представлений о естественном вербальном процессе. *Вопросы метода* в кратком обзоре представлены во *второй* части статьи.

I

На основании традиционных представлений о «языке» (тем более о *литературном* языке как квинтэссенции лингвистических практик данного сообщества) оказывается невозможным представить Септуагинту (вторая половина III в. до н. э.) нормализованным литературным памятником. Дело в том, что тексты, вошедшие в ее корпус, создаются как *пословный* перевод с древнееврейского источника, с использованием греческого вербального материала. Появление на целевом (греческом) «языке» текста, созданного таким способом, со всей очевидностью означает *нарушение* аутентичной греческой текстуальности и комбинаторики, что, в свою очередь, не позволяет вписать Септуагинту в рамки какой-то *литературной нормы*, существовавшей на момент создания перевода.

Факт пословной «рабской» передачи еврейского оригинала полностью исключает возможность признать, что в случае Септуагинты имеет место целостный аутентичный «язык». Его настойчивые поиски закономерно оборачиваются признанием того, что какой-то *аутентично греческий языковой строй испорчен семитским влиянием*².

Вслед за Септуагинтой статус ненормализованного текста приписывается и новозаветным памятникам (в особенности синоптическим Евангелиям³). Общие концептуальные очертания современной научной картины предстают в следующем виде.

² Нужно признать, что среди истолкований лингвистического феномена Септуагинты были и попытки признать язык этого памятника регулярным греческим (разговорным) койнэ (например, Дайссманн, Килпатрик и др.). Однако очевидно, что в этом случае авторы определяли «язык» исключительно по морфологическим признакам. Уровень синтаксиса (вербальной комбинаторики) и текстуальности полностью исключался из рассмотрения, хотя именно там содержатся повсеместные нарушения аутентичного строя койнэ (или какого-либо другого «греческого языка»).

³ В дальнейшем под «языком Евангелий» имеется в виду язык *синоптических* Евангелий, а также ряда других сочинений, созданных в среде грекоговорящей иудейской диаспоры. Язык Евангелия от Иоанна составляет особый лингвистический сюжет и должен рассматриваться отдельно.

То, что: 1) авторы Евангелий писали на *не-литературном греческом языке* и 2) созданные ими тексты сохраняют следы некой *иной (не литературной греческой)* стихии языка — самые распространенные и практически общепринятые положения, имплицитно или явно лежащие в основании концепций и взглядов на язык Евангелий. Первое суждение следует из сопоставления (ионийско-)аттической литературной нормы с любым текстом евангельского круга. Второе суждение возникает из необходимости объяснить происхождение этих очевидных «неправильностей» языка Евангелий.

В попытках ответа на вопрос, откуда возникают нарушения (ионийско-)аттической, литературной нормы конституируются два основных направления.

Первое имеет *эллиоцентричную* направленность и склонно связывать лингвистические феномены, воспринимаемые с точки зрения (ионийско-)аттической нормы как неправильности, с т. н. *койнэ* — языком, который, как считается, был принят в качестве основного средства общения в греко-римской ойкумене эллинистического периода. При этом понятие койнэ зачастую предполагает различие уровней этого языка, т. е. введение понятий литературного и разговорного койнэ, а также выделение гипотетических территориальных особенностей койнэ, характерных для языка населения различных регионов ойкумены.

Второе направление, напротив, в поисках причин «неправильностей» делает акцент на арамейской (или даже древнееврейской) стихии языка — письменного или устного, исповедуя, таким образом, *семитоцентричную* позицию⁴.

Определяя общие концептуальные очертания теории, следует выделить главные *составляющие*, или элементы, анализируемой лингвистической ситуации, факт которых нельзя отрицать и, соответственно, на которых или вопреки которым строятся концепции языка Евангелий: это 1) *греческий лексический материал*, использованный создателями текста Евангелий (при этом под греческим лексическим материалом имеется в виду не греческое семантическое и синтаксическое значение лексических единиц, а их *видимый греческий облик на уровне морфологии*), и 2) очевидные *синтаксические и семантические семитизмы*, присутствующие в тексте Евангелий.

Эллиоцентричная позиция (А. Deissmann, А. Thumb, F. Blass, А. Debrunner, J. H. Moulton, Н. В. Swete, J. Psichari, Н. St. J. Thackeray, R. Helbing, Н. Pernot, А. Pallis, S. Antoniadis, А. Meillet, J. de Zwaan, E. J. Goodspeed, E. C. Colwell, R. H. Charles, F. W. Howard, А. Wifstrand, L. Rydbeck, и др.)⁵ опирается по пре-

⁴ Нужно заметить, что существует и третье направление, представленное прежде всего именем Н. Тернера (также отчасти Н. St. Gehman, P. Katz, K. Beyer). Эти исследователи близки к тому, чтобы признать существование отдельного языка, т. н. иудейского греческого, со своими выразительными и структурными особенностями, однако приводимая ими аргументация весьма неубедительна прежде всего из-за того, что в ней отсутствует констатация единых принципов для предполагаемого отдельного языка. Именно поэтому точка зрения Тернера не получила широкого распространения и поддержки.

⁵ См., например : *Thackeray H. St. J. A Grammar of the OT in Greek According to the Septuagint*, I. Cambridge, 1909; *Radermacher L. Neutestamentliche Grammatik: Das Griechisch des NT im Zusammenhang mit der Volkssprache*. Tübingen, 1911; *Robertson A. T. A Grammar of the Greek NT // The Light of Historical Research*. New York, 1914; *Milligan G. The Grammar of the Greek NT // Expository Times*. 31 (1919–1920). P. 420–424, and *Here and There among the Papyri*. London, 1922; *Meecham H. G. Light from Ancient Letters: Private Correspondence // the Non-Literary Papyri*

имуществу на первый бесспорный факт — то, что Евангелия написаны с использованием внешне греческого лексического материала, в то время как вторая очевидность, т. е. семитизмы, занимает в имеющихся концепциях маргинальное и подчиненное положение. Более того, в логически более завершенных эллиоцентричных схемах (Дайсман, Тамб, ранний Мултон) первый элемент (греческая морфология лексем) стремится полностью поглотить или вытеснить второй (семитизмы), однако последний столь очевиден, что окончательного поглощения и вытеснения невозможно достичь, несмотря на все попытки.

Если рассматривать Евангельские тексты под эллинским углом зрения, исследователь попадает в следующую концептуальную ситуацию. Прежде всего, возникает необходимость найти *исконную греческую топику* для феноменов евангельских текстов, идентифицировать их, признать факты закономерности и затем понимать эти феномены исходя из тех значений, которые имеются для них в какой-то аутентичной стихии языка. Другими словами, исследователь должен найти в *исконно греческом материале* ту систему координат, в которой следует исчислять грамматические и семантические явления Евангельских текстов. Именно здесь с эллиоцентричной позицией возникают сложности. Попытки засвидетельствовать в Евангельских текстах какую-то исконно греческую нормативность сталкиваются с очевидностью *семитизмов*. Ясно, что семитизмы в мнимом исконно греческом тексте есть по определению *нарушения* аутентичной греческой текстуальности, соответственно язык, имеющий нарушения нормы, не может быть признан нормативным, т. е. обладающим искомой единой системой лингвистических координат. Именно поэтому законченная логика эллиоцентричной позиции состоит в том, чтобы включить семитизмы, нарушающие стройность картины, в состав какой-нибудь исконно греческой нормы, признав, что семитизмы уже не есть семитизмы, а регулярные исконно греческие феномены. Однако ни в одну норму, определяемую каким-либо корпусом исконно греческих текстов, данные явления синтаксического и семантического уровня полностью не включаются. Они упорно существуют как нарушения греческого строя языка. В этом смысле показательна история Мултона, одного из наиболее горячих сторонников греческой аутентичности, который в позднейших работах был вынужден отказаться от своего эллиоцентричного ригоризма, признать «истинные семитизмы» в евангельском тексте и дать собственное определение понятию «семитизм»⁶.

Последний возможный результат, которого позволяет добиться от материала эллиоцентричная схема, сводится к констатации, что язык Евангелий есть некая *греческая норма с включенными в нее нарушениями*. В такой формулировке уже

of Oxyrhynchus of the First Four Centuries, and its Bearing on NT Language and Thought. London, 1923; *Goodspeed H. G.* The Original Language of the NT // New Chapters in NT Study. New York, 1937. P. 127–168; *Colwell B. C.* The Greek of the Fourth Gospel: A Study of its Aramaisms // The Light of Hellenistic Greek. Chicago, 1931; *Costas P. W.* An Outline of the History of the Greek Language, with Particular Emphasis on the Koine and the Subsequent Periods. Chicago, 1936; *Koester H.* Introduction to the NT. V. 1. Philadelphia, 1982. P. 103–113; *Browning R.* Medieval and Modern Greek. Cambridge, 1983. Ch. 1; *Horsley G. H. R.* The Fiction of «Jewish Greek» // New Documents Illustrating Early Christianity. V.; Linguistic Essays. New South Ryde, 1989. P. 5–40; *Silva M.* (см. ниже).

⁶ См. : *Maloney E. C.* Semitic Interference in Marcan Syntax. Michigan, 1981. P. 9–10.

нет строгих рамок, и это дает значительный простор исследованию, что, в свою очередь, находит выражение в том, что в качестве греческой нормы принимается любая сколько-нибудь подходящая, раз аутентичности в ней все равно нет. Таковой может выступать норма общегреческого *разговорного койнэ*, общегреческого *литературного койнэ* и даже собственно литературного *аттического диалекта* с неизменными, впрочем, семитизмами, не позволяющими тексту полностью нормализоваться на греческой почве.

Здесь возникает вполне закономерный вопрос о самой возможности появления *ненормализованного текста* в рамках *сугубо традиционного сообщества*. Дело в том, что целевой аудиторией новозаветных авторов на грекоязычных территориях были *диаспоральные иудейские общины*. Их составляли собственно иудеи (к которым по статусу приближались прозелиты из язычников, принявших обрезание) и т. н. «боящиеся Бога», т. е. язычники, примкнувшие к иудеям, воспитанные в их религиозной традиции, принимавшие участие в их богослужениях. В этой среде, замкнутой и консервативной в вопросах богопочитания и живущей по собственному Закону (что, как известно, долгое время составляло причину дохристианского античного антисемитизма), существовали собственные устоявшиеся практики чтения и истолкования Закона (Септуагинты), а также практики создания новых текстов, как светских, апологетических, адресованных к внешним язычникам, так и сугубо традиционных, обращенных к внутреннему адресату. Таким образом, аудиторию Евангелистов нельзя считать случайной толпой простецов. Каждый Евангельский текст был адресован участникам иудейской традиции и написан представителем той же традиции. Более того, сама проповедь Благой Вести, составляющая главное содержание Евангелий, была возможна только в рамках иудейской общины (о чем свидетельствует опыт апостола Павла, иллюстративно представленный в Деяниях).

Несмотря на это, в попытках объяснения мнимых нарушений языковой нормы эллиноцентричная схема была вынуждена прибегнуть к последнему аргументу — объявить авторов отчасти неотесанными, малограмотными, не знающими канонов и языка эллинской литературной традиции, писавшими на языке повседневного общения и пр.: «Язык греческой Библии, за исключением случаев переводного греческого, был просто разговорным, принятым в повседневной жизни. Люди, стремившиеся к литературной славе, писали на искусственном диалекте, который был языком Афин времени их владычества, как поступают и современные образованные греки. В отличие от них, новозаветные авторы слабо сознавали (*had little idea*) то, что они пишут литературу. Святой Дух говорил всецело на языке простых людей... Сама грамматика и словарь вопиют против людей, которые могли бы позволить Писанию появиться в какой-то иной форме, нежели “понятной для простого народа”»⁷.

Таким образом, выход из методологической апории (т. е. неспособности эллиноцентричной схемы объяснить ненормализованность новозаветного языка) стал мыслиться в признаваемой по умолчанию идее *малограмотности* авторов новозаветных текстов, которые якобы были простецами или, в лучшем случае, попытались, но не смогли написать правильно ни на одном из существовавших

⁷ Moulton J. H. A Grammar of NT Greek, I. Prolegomena. Edinburgh, 1908. P. 5.

«языков». Как видно, попытки исследователей представить непротиворечивую лингвистическую ситуацию сами собой свелись к необходимости *списать все неясности и странности схемы на исследуемых субъектов лингвистической ситуации*. При этом факт традиционного сообщества, в среде которого создавались данные тексты и к которому они были обращены, длительное время вовсе не возникал в поле зрения исследователей⁸. Однако именно этот факт с очевидностью препятствует всем попыткам приписать новозаветным авторам ненормализованные литературные практики⁹.

Так или иначе, исследовательская задача, в рамках эллиоцентричной схемы, свелась к тому, чтобы определить следы различных «языков» в рамках единого «полуграмотного» текста¹⁰ или расширить номенклатуру уровней древнегреческого «языка»¹¹, при молчаливом признании, что целостного языка — литературного или разговорного — констатировать невозможно.

Нужно заметить, что признаваемая ненормализованность языковой деятельности авторов ставит еще один неудобный вопрос: как возможно, чтобы целый ряд авторов, плохо писавших по-гречески, все-таки тратили весьма дорогие папирусы и создавали пространные сочинения, каждая строка которых свидетельствует о том, как писать нельзя? Другими словами, получается, что мало- (или вне-)литературность языка, которую как продукцию безграмотных людей можно представить, например, в кратких настенных граффити, засвидетельствована *в целом корпусе литературы у целого ряда авторов*.

Здесь можно привести один яркий пример, который очевидным образом не вписывается в эллиоцентричную схему и который не может быть ею объяснен. Евангелист Лука, автор третьего Евангелия, всегда оставался необъяснимым лингвистическим феноменом. Дело в том, что своему Евангелию он предпослал предисловие, написанное в полном соответствии со стандартами (ионийско-)аттической прозы, и этот факт сам по себе свидетельствует о том, что автор *совершенно свободно выражался в письменной форме на литературном греческом*, безусловно, владея *нормализованным* языком. Это, впрочем, и не удивительно, поскольку о Луке известно, что он был эллински образован, начитан в греческой литературе, по происхождению не был евреем, и, по всей видимости, даже не

⁸ Так, например, в статье С. С. Аверинцева «Истоки и развитие раннехристианской литературы» (История всемирной литературы, М., 1983. Т. 1. С. 501–515), содержащей все традиционные топосы относительно простоты и малолитературности, вовсе не содержится упоминаний об адресате евангельских текстов — грекоязычной иудейской общине, переживающей в своей среде рождение христианской общины.

⁹ В практике православного богослужения можно видеть иллюстративную параллель с новозаветной ситуацией: так же как и для иудейской традиционной общины, для современного православного сообщества сложно представить появление литургических текстов, которые не были бы нормализованы, т. е. приведены в непротиворечивое соответствие с традиционной лингвистической практикой. Так, новые тексты (тропари, молитвы и пр.) создаются на церковнославянском языке, органичном и нормализованном в православной литургии.

¹⁰ Например : *Maloney E. G. Semitic Interference in Marcan Syntax [SBLDS 51; Chicago, 1981]*.

¹¹ *Horsley G. H. R. The Fiction of «Jewish Greek»*. P. 46: «In sum, then, there is a need to be alert to a greater range of language levels than merely two: *koine* and Atticistic, as though the latter were somehow not part of the *koine*».

знал арамейского языка. Но тем более удивителен другой факт, остающийся без объяснения в рамках эллиоцентричной схемы: *почему автор, проявивший себя в предисловии знатоком аттической нормы, приступая к тексту самого Евангелия, вдруг неожиданно переходит на язык, изобилующий семитизмами, т. е. отступает от аутентичных греческих стандартов и делает выбор в пользу заведомо не нормализованного (с эллиоцентричной точки зрения) языка?* Почему он предпочел не создавать свое сочинение на «правильном» языке, хотя и мог? Зачем ему понадобилось представлять себя «худшим» писателем, чем он на самом деле был? Нужно признать, что здесь эллиоцентричная схема заходит в полный концептуальный тупик *de facto* и лишь констатирует, не вдаваясь в объяснения, что Лука, возможно, был «добровольный септуагинталист» («*deliberate septuagintalizer*»)¹². (Нужно заметить в скобках: почему бы тогда не признать добровольными септуагинталистами и всех остальных Евангельских авторов?)

Главная черта *семитоцентричного* направления — сосредоточенность на семитском материале, т. е. опора на семитизмы, второй бесспорный элемент Евангельского текста (J. Vergote, J. Wellhausen, G. Dalman, С. С. Torrey, С. F. Burney, J. A. Montgomery, R. B. Y. Scott, M. Burrows, M.-J. Lagrange, P. Jouon, H. J. Cadbury, M. Black, M. Wilcox, С. F. D. Moule, V. Taylor, J. Jeremias, M. Zerwick, R. A. Martin, J. A. Fitzmyer, и др.)¹³. В отличие от эллиоцентричного, представители данного направления *вовсе оставляют вопрос о нормализованности языка вне сферы своего рассмотрения*. Проблема языковой целостности евангельских текстов по умолчанию разрешается в пользу ее отсутствия. В самом деле, если смотреть на евангельский текст с эллинской точки зрения, — та видимая мера, в которой представлен в этом тексте греческий элемент, безусловно, располагает к гораздо большему оптимизму в деле поиска греческой нормативности (хоть, впрочем, ее все равно не удастся найти). Что же касается семитоцентричной точки зрения, то в таком количестве греческого, вернее, морфоло-

¹² Spark H. F. D. The Semitisms of St. Luke's Gospel // New Testament Studies. 44. Cambridge, 1943. P. 129–138.

¹³ См., например : Zimmermann F. The Aramaic Origin of the Four Gospels. New York, 1979. особенно — P. 3–23; Lachs S. T. Hebrew Elements in the Gospels and Acts // The Jewish Quarterly Review. 71. Pensilvania, 1980. P. 31–43; Lee G. M. Translation Greek in the NT // Studia Evangelica. VII / Ed. E. A. Livingstone. Berlin, 1982. P. 317–326; Schwarz G. Und Jesu Sprach: Untersuchungen zur aramäischen Urgestalt der Worte Jesu. Stuttgart, 1987; Wilcox M. The Semitisms of Acts. Oxford, 1965. P. 1–12; *idem*. Semitisms in the NT // Aufstieg und Niedergang der romischen Welt. 11.25.2. P. 979–986 и в особенности труд Black M. An Aramaic Approach to the Gospels and Acts. Oxford, 1967; *idem*. The Recovery of the Language of Jesus // New Testament Studies. 3. Cambridge, 1956–1957. P. 305–313; *idem*. Second Thoughts — IX. The Semitic Element in the NT // Expository Times. 77 (1965–1966). P. 20–23; *idem*. The Biblical Languages // The Cambridge History of the Bible, I / Ed. P. R. Ackroyd and C. F. Evans. Cambridge, 1970. P. 1–11. Burney C. F. A Hebraic Construction in the Apocalypse // Journal of Theological Studies. 22 (1920–1921). P. 371–376; *idem*. The Aramaic Origin of the Fourth Gospel. Oxford, 1922; *idem*. The Poetry of Our Lord. Oxford, 1925; Montgomery J. A. The Origin of the Gospel According to St. John. Philadelphia, 1923; Burrows M. The Original Language of the Gospel of John // Journal of Biblical Literature. 49. 1930. P. 95–139; *idem*. The Semitic Background of the NT // BT 2 (1951). P. 67–73; Zwaan J. de. The use of the Greek Language in Acts // The Beginnings of Christianity. 1.2 / Ed. F. J. Foakes Jackson and K. Lake. London, 1922. P. 30–65; *idem*. John Wrote in Aramaic // Journal of Biblical Literature. 57. 1938. P. 155–171.

гически грекоподобного, материала семитский элемент заведомо представляет собой лишь вкрапление, несистематическое нарушение. Таким образом, в семитоцентричной схеме так же, как и в эллиоцентричной, констатируется отсутствие единой нормализованной стихии языка.

Данная методологическая ситуация в лагере гебраистов поднимает те же вопросы, что и в лагере сторонников греческой аутентичности: о возможности ненормализованного текста в традиционной среде, о возможности списать ненормализованность текста на несовершенство авторов, о возможности появления внелитературного текста в литературной ситуации, о подозрительно большом количестве ненормализованных текстов.

Тем не менее, признавая по умолчанию факт ненормализованности, представители семитоцентричного направления сосредотачиваются на исследованиях вопроса, *откуда* в евангельский текст попали семитизмы и *какие* они — арамеизмы, гебраизмы или септуагинтизмы. И здесь позволительно спросить, в чем смысл таких поисков и констатаций, если все идентифицированные феномены все равно суть признаки *испорченности языкового строя*, а в испорченности, как во всяком хаосе, логика и смысл отсутствуют, их там нет и не может быть. Другими словами, полагая свою цель в том, чтобы отыскать источники семитизмов, исследователи не замечают, как достигают и другой цели — утверждают факт пущей испорченности языка Евангелий посредством констатации чуждых тексту элементов, заимствованных из еврейского текста, из арамейских таргумов, из текста Септуагинты, из какого-то неведомого устного языка, и т. д. Это несколько не способствует пониманию текста, а, скорее, наоборот, удаляет от искомой *целостной системы лингвистических координат*, в которой можно было бы исчислить грамматические и семантические феномены евангельского текста. Если же такая система, такое нормативное единство отсутствует, то текст распадается на элементы и предстает в виде хаоса языковых явлений, не сочетающихся друг с другом и не образующих отдельной и самодостаточной языковой стихии; в хаосе нет опорных точек для определения значений и соответственно для интерпретации смыслообразования, но именно этот хаос и констатируется, когда рассматриваются семитизмы как *нарушения* какой-то аутентичной греческой нормы.

Кроме того, в этой работе по исследованию элементов хаоса исследователи зачастую попадают в замкнутый круг, поскольку анализируемые грамматические феномены в большинстве случаев могут быть возведены *сразу к нескольким источникам*. Это обусловлено тем, что: 1) для арамейских таргумов и Септуагинты единым источником является текст Еврейской Библии (соответственно отдельно взятый феномен Евангельского текста зачастую может быть одновременно гебраизмом, арамеизмом или септуагинтизмом); 2) как Септуагинта, так и исконно греческие тексты используют внешне один и тот же лексический материал и иногда обнаруживают совпадения на уровне синтаксиса (соответственно одно и то же грамматическое явление евангельского текста, особенно на лексическом и микро-синтаксическом уровне, может быть идентифицировано одновременно и как септуагинтизм, и как грецизм); 3) нельзя исключить возможности того, что на греческий папирусный материал или на какую-то его часть оказал влияние язык Септуагинты (соответственно никакого выхода за пределы семитского ма-

териала папирусы в таком случае не дают); 4) один и тот же новозаветный автор мог быть основательно знаком сразу с несколькими лингвистическими источниками, например с Септуагинтой и древнееврейским оригиналом, и тогда грамматические семитизмы в его узусе могут быть одновременно септуагинтизмами и гебраизмами; и т. д. Таким образом, по сути самого лингвистического материала и по сути существующей методики его анализа замкнутый круг становится неизбежным. Эта дву- (а иногда и трех-, и четырех-)смысленность, в свою очередь, открывает новое увлекательное поле исследования: найти и *отделить* септуагинтизмы от гебраизмов, гебраизмы от арамеизмов, септуагинтизмы от гречизмов, и т. д., что само по себе не означает нахождения ответа на вопрос «как возможен текст на ненормализованном языке в традиционной ситуации?» и подменяет главную задачу — определить аутентичный статус текста.

Следует также сказать о том, что в русле семитоцентричного направления особое место занимает *вопрос о первоисточниках*, т. е. о семитоязычных оригиналах, якобы послуживших основанием для некоторых Евангелий. Действительно, нарушения нормы, т. е. те семитские неправильности языка, которые якобы разрушают целостность греческой выразительной системы, получают в таком случае некоторое оправдание — по-гречески написано плохо, но не греческое изящество было целью переводчиков; главное в работе авторов — передача некоего семитского оригинала, и стремление его передать оправдывает сей варварский язык. Вероятно, такой ход рассуждения мог бы сыграть свою роль в оправдании как исследователей, так и авторов. Однако в ситуации с поисками оригиналов остается непонятной *избирательность* исследовательского внимания: семитизмы, т. е. потенциальные признаки арамейского или древнееврейского оригинала, присутствуют практически *во всех* текстах новозаветного корпуса; однако существование оригиналов в подавляющем большинстве случаев пытаются доказать *только* для Евангелия от Матфея и Евангелия от Марка (редко для Апокалипсиса)¹⁴. По законченной семитоцентричной логике концепция оригиналов должна быть распространена на *все* тексты (остальные Евангелия, Деяния, Послания, огромное число текстов, не вошедших в Новозаветный канон), однако полное отсутствие исторических свидетельств, так же как и некое необъяснимое лингвистическое чувство, заставляет приверженцев гебраистского направления не вполне полевательно в поисках семитоязычных источников ограничиваться *только авторами двух первых* Евангелий. В случае, например, ев. Луки некорректность такого допущения выглядела бы особенно рельефной: автор третьего Евангелия, эллински образованный и начитанный, засвидетельствовавший в предисловии умение писать по-гречески безупречно, тем не менее, создает свое сочинение путем компилирования заведомо варварских текстов, при этом получается, что он, проявляя незаурядное писательское мастерство в сфере композиции, изменяет структуру и отчасти сам язык своих источников, однако неизменно *сохраняет* и даже *лично преломляет* и иногда *дополняет* вопиющие не-

¹⁴ Только в отношении автора первого Евангелия в христианской традиции сохранилось указание на семитский след его работы. По свидетельству Паппия Гиерапольского (первая половина II в.), «Матфей составил на еврейском (вероятно, имеется в виду арамейский. — А. В.) языке запись речений [Иисуса Христа], а перелагали их на греческий язык, кто как смог».

правильности (семитизмы) своих источников. Здесь для объяснения странности картины снова напрашивается идея простоты и неискушенности автора-компилятора, однако общепризнанным является то, что ев. Лука не может быть в этом заподозрен. По всей видимости, в этом случае современные теории в поисках оригиналов как источников семитизмов заходят в концептуальный тупик.

Кроме того, процесс проникновения неправильностей в язык Евангелий оба направления — и семито-, и эллиноцентричное — в большинстве случаев связывают с т. н. явлением *билингвизма*, онтология которого зиждется на признании того, что: 1) авторы были знакомы как минимум с двумя языками — греческим и одним из семитских (вероятнее всего, арамейским) и 2) в процессе создания греческих текстов имело место калькирование семитских языковых моделей, названных семитоязычным сознанием авторов.

Явление билингвизма составляет квинтэссенцию современных научных представлений в данной области и не противоречит ни эллиноцентричной, ни семитоцентричной схеме¹⁵. Однако скептическое отношение к данному способу объяснения семитизмов возникает незамедлительно, поскольку в основании понятия билингвизма положено одно из фундаментальных заблуждений традиционной лингвистической теории, заставляющее исследователей от начала идти по неправильному пути. Оно состоит в *признании, что письменный язык является прямым отражением устного и что в письменном тексте масштаба Евангелий можно непосредственно видеть некий разговорный узуз и спонтанное пользование языковыми моделями*¹⁶.

Вполне очевидно, что создание письменного нарративного текста представляет собой процесс гораздо более опосредованный, чем тот, что обыкновенно представлен в теории новозаветного билингвизма. Написание нарратива, подобного евангельскому, предполагает *такой уровень рефлексии и отбора языковых средств, таких затрат времени и сил*, что автор с неизбежностью *успекает осознать* свои возможности и способности. Соответственно, он успекает осознать, что если язык, на котором он пишет, ему не знаком, то и писать на нем незачем, — ничего, кроме вреда самому себе и предмету такого литературного творчества, из этого не выйдет. Так, невозможно представить, чтобы автор, едва знакомый с английским языком, взялся за создание англоязычной повести, адресованной англоязычной аудитории. Очевидно, что литературное творчество предполагает совершенно иное использование языковых моделей, чем то, которое явно и имплицитно констатируется понятием «билингвизм». Прежде всего следует признать, что использование лингвистических средств при создании литературного текста *опосредованно и рефлексивно*, а это, в свою очередь, означает, что новозаветные авторы *осознанно* употребляли те или иные языковые модели,

¹⁵ Наиболее полным сводом современных представлений в духе билингвализма является работа : *Horsley G. H. R. The fiction of «Jewish Greek» // New Documents Illustrating Early Christianity. V. 5. 1989*, а также : *Silva M. Bilingualism and the Character of Palestinian Greek» // Biblica. 61 (1980).*

¹⁶ Так, рассуждения Хорсли и Сильва о калькировании семитских языковых моделей опираются на наиболее авторитетное исследование в области билингвизма : *Weinreich U. Languages in Contact. 1953 (repr. The Hague, 1974)*, автор которого исследует *не письменные тексты*, а явления *спонтанной устной речи*, «те примеры отступления от норм языка, которые появляются в речи билингвов как результат их знакомства с более чем одним языком».

соответственно о спонтанном проникновении языковых феноменов из разговорной среды в литературный текст не может быть и речи.

В таком случае возникает следующая картина: семитизмы, т. е. языковые модели, не способные нормализоваться в греческом литературном тексте, благополучно преодолевают стадию авторской рефлексии и осознанно (со стороны автора) попадают в его пространное письменное сочинение. Объяснения этой ситуации, пожалуй, можно было бы найти в допущении, что каждый из авторов создавал свой текст впервые в жизни, не видел перед собой никакой аудитории и вообще не отдавал себе отчета в том, что он делает. Однако столь радикальные концепции, по-видимому, излишни. Осознанные семитизмы в евангельском повествовании (и в других сочинениях Новозаветного корпуса) гораздо проще объяснить фактом того, что для авторов текстов и для их аудитории языковые модели, посредством которых создавались их сочинения, были *общепринятыми, общепонятными и нормализованными*. Авторы попросту не могли создавать письменные тексты, заранее зная о том, что обречены на осуждение за «неправильности» со стороны аудитории. Это, в свою очередь, означает, что «неправильности», признаваемые как таковые в семито- и эллиноцентричных схемах и теоретизированные в концепции билингвизма, в действительности не выглядели таковыми на взгляд аутентичных участников лингвистической ситуации — традиционного сообщества грекоговорящих иудеев (ср. современную православную практику использования церковнославянского языка и отношение к нему сообщества верующих).

Чтобы пояснить вопрос о том, насколько опосредован процесс создания письменного текста, а также вопрос об отношении между автором и аудиторией, и тем самым показать, что в литературной ситуации о билингвизме следует говорить совершенно в ином смысле, можно сослаться на очевидный пример, современную лингвистической ситуации I в. н. э. Родным языком Иосифа Флавия был арамейский, к тому же, как сам он признавался, он хорошо знал древнееврейский язык. По-гречески, опять же как сам он признавался, говорил он плохо, а греческую грамматику изучал, читая сочинения греческих авторов. Интересен тот факт, что в весьма значительном корпусе его сочинений количество семитизмов, допущенных арамеоязычным автором и обнаруженных затем скрупулезными исследователями, *стремится к полному нулю*. Та же ситуация наблюдается с сироязычным Лукианом, автором многочисленных сочинений, написанных на чистейшем аттическом диалекте. Объяснение факта *семитского* лингвистического бэкграунда авторов и полного *отсутствия семитизмов* в их текстах видится только в одном: Иосиф Флавий, так же как и Лукиан, создавал свои сочинения для *эллинской аудитории*, в русле литературной традиции, предполагавшей эллински правильное использование греческих вербальных моделей. Если бы арамеоязычный Иосиф Флавий оснастил свой греческий текст семитизмами, имевшими, очевидно, место в его сознании, или позволил бы себе цитировать Септуагинту вместо того, чтобы создавать собственный текст, то, по-видимому, ни один эллинский читатель не посчитал бы его эллинским писателем, имеющим право посягать на участие в греческой литературной традиции. Именно поэтому с точки зрения формальной языковой нормы иудейский историк явил себя в своем тексте настоящим эллином.

Таким образом, в случае Иосифа Флавия следует констатировать *опосредованность* и *рефлексию* при пользовании языковыми моделями, *независимость литературного языка* от чуждого по структуре родного языка автора — будь то язык разговорный или литературный, также следует констатировать факт *существования аутентичной стихии самого литературного языка* и его *общепринятость для автора и аудитории*, а кроме того, следует констатировать факт *авторитетной литературной традиции*, в которой благодаря общепринятым языковым практикам адекватно реализует себя пишущий и читающий.

По-видимому, в лингвистической ситуации Евангельских (и шире — Новозаветных) текстов следует констатировать *те же черты*, что и в случае Иосифа Флавия. Иначе осмысление новозаветной лингвистической ситуации следовало бы подвергнуть тотальному концептуальному разрушению, признавая явление некорректно интерпретированного билингвизма (отражающего, заметим, суть как эллиоцентричной, так и семитоцентричной позиции), который утверждает *отсутствие всякой рефлексии* при пользовании языком в письменном тексте («как говорили, так и писали»), *прямую связь письменного языка с разговорным*, и при этом отрицает сам факт существования принятых литературных практик создания текстов, факт общепринятости и общепонятости языковых моделей для автора и аудитории, и который, наконец, отрицает какую-либо литературную традицию, для которой язык Евангелий был бы аутентичным.

II

В приведенной панораме разнонаправленных суждений о лингвистическом статусе и природе библейских текстов заметно, что конкретные исследовательские позиции всегда сводятся к определению того «языка», на котором они написаны. Во всех случаях, когда исследователи сколько-нибудь подробно рассматривают лингвистическую тему, они прибегают к традиционной *инструментальной и/или биологической метафоре*, пытаясь воссоздать целостную *словесную систему*, использованную в любом из текстов, представляя ее как «орудие» и/или как «живой организм»: в первом случае речь идет о синхронной перспективе исследовательского зрения, во втором — о диахронной. Примеры, знаменующие собой, по существу, полярные точки зрения, тем не менее целиком согласны в признании этих несомненных подлежащих любого лингвистического исследования — язык-инструмент и язык-организм. Так, *язык* (в обоих смыслах) имеют в виду как сторонники «переводной теории» Евангелий и других сочинений, так и адепты греческой аутентичности этих текстов. Однако, как видно, воссоздавать в конкретных формах *язык*, на котором написаны эти тексты, оказывается *невозможным, если понимать под языком строгую систему правил употребления предметных единиц* (слов, морфем, комбинаторных вариантов и пр.). Как и во многих других случаях, коммуникативная реальность преодолевает рамки грамматик, словарей, таблиц и схем, которые накладываются на живые факты естественного вербального процесса. Изъятый из мыслимой реальности, словесный материал сам по себе не строит систему (как не может вообще участвовать в смыслообразовании) вне актуального личного коммуникативного действия — осознанного субъектом ситуации. В результате на автора (субъекта

лингвистической ситуации) списываются все несовершенства избранной исследователем модели описания. Однако именно субъект ситуации знал/знает о том, как говорить/писать, намного больше любого исследователя, который несколько насильственно стремится констатировать «инструмент» или «растение» в сознании актуального коммуниканта. Другими словами, коммуникант, в отличие от не вовлеченного в актуальную ситуацию интерпретатора, доподлинно знал/знает, как реализовать необходимое коммуникативное действие, обладая набором известных ему словесных моделей, в то время как интерпретатор навязывает ему знание сосюрговской (одновременно традиционной античной, объективной, словесной) «системы языка», помещая автора в прокрустово ложе своей неполной осведомленности о параметрах коммуникативной ситуации. В результате возникают суждения о дословных переводах (в смысле плохо исполненных), о мало- (или вне-)литературности грекоязычных иудейских сочинений рассматриваемого круга, о разговорном языке этих источников и т. д.

Именно здесь встает важный методологический вопрос: *как формулировать суждения о лингвистическом материале?* Ответ на него, ввиду коммуникативной и когнитивной природы любого языкового процесса, всецело предсказуем: суждения об актуальных текстах (и соответственно о лингвистических моделях, входящих в их состав) на выходе, т. е. при вторичном описании актуального смыслообразования, должны быть по возможности *адекватными той реальности, которая мыслилась данным говорящим/пишущим*. Другими словами, языковой процесс не отражается ни понятием словесного инструмента (ибо в действительности коммуниканты — каждый по-своему — знают всего лишь необходимый набор вербальных моделей действия в коммуникативном пространстве), ни понятием организма (ибо последний никогда не проявляется в сознании коммуниканта). Реальный коммуникант, в т. ч. автор новозаветных переводных и непереводаемых текстов, знал, как оказывать необходимое влияние на непосредственно созерцаемое мыслимое коммуникативное пространство. Ему, как «информанту», следует гораздо более доверять, чем любому стороннему интерпретатору, использующему инструментальную или биологическую метафору языка-системы, — метафору, не адекватную реальности словесного коммуникативного процесса.

На этом фоне по вопросу о методологическом статусе понятия *язык*, пожалуй, можно придерживаться точки зрения, утверждающей его *вспомогательную ценность* — вспомогательную в области лингводидактики и теоретизирования. Однако невозможно не замечать *условности и неполноты* этой абстракции. В исследуемой области условность, если ее игнорировать, становится ключевой *conditio sine qua non*. Так, если заручиться понятием языка как системы самоорганизации предметных элементов (звуки, морфемы, слова и их комбинаторные вариации), то становится невозможным ответить на самые простые вопросы, как, например: на каком *языке* написано переведенное с еврейского Пятикнижие Моисея? Вполне очевидно, что подобной смеси различных слоев лексики и подобной негреческой комбинаторики, возникшей из дословной передачи еврейского оригинала, не знает ни один аутентичный «язык» из существовавших в эллинистическую эпоху. Так на каком же языке эти тексты написаны? Системная точка зрения, согласно своей внутренней логике, смело констатирует *отсут-*

ствие правильного языка, т. е. отсутствие работающей референционной системы. Но актуальные тексты на «несуществовавшем языке» не оставляют сомнения в своем существовании. Более того, они читались, истолковывались и почитались субъектами лингвистической ситуации как богодухновенные, о чем прямо свидетельствуют сами субъекты лингвистической ситуации. Именно здесь становится доподлинно ясно, что коммуникативный процесс, реализованный в переводе Семидесяти, осуществлялся благодаря каким-то иным механизмам, нежели предметная «система или организм языка», отсутствие которых констатируют исследователи, ведомые инструментально-биологической метафорой. Более того, ни сами переводчики, ни их аудитория не знали вовсе никакого «языка» — у них не было ни учебников, ни специальных исследований. Они владели коммуникативной реальностью и адекватными моделями действия в ней непосредственно, без участия вторичного грамматического описания. Однако «язык» в описательной процедуре выживает и остается руководством к научному исследованию: чтобы спасти эту ценность, сохраненный «язык» интерпретируется как «испорченный», «переводной», «просторечный», «внелитературный», «особый иудейский» и пр. Однако как бы его ни называли, все поиски системного инструмента перечеркиваются — в рамках принятого методологического поля — одним несомненным фактом: *пословный перевод (Септуагинта) не может на выходе давать аутентичный текст на целевом языке*. Так значит, «языка», на котором Пятикнижие написано, вообще не было? Но тексты, занимавшие в грекоязычной иудейской традиции весьма почетное место, с очевидностью существуют. На каком же «языке» они написаны?

Распутать этот узел некорректно поставленных вопросов необходимо: коммуникативный процесс должен быть представлен гораздо более сложным, чем работа самоорганизующейся системы предметных единиц. Постулированный язык условен. Его невозможно безоговорочно мыслить ни инструментом, ни организмом. Словесные модели мыслились участниками ситуации и только по мере этого имели значение, независимо от генезиса и системных корреляций (так, любой «язык» можно представить как результат деформирования или даже порчи какого-то прежнего состояния «языковой системы»). Искомым в процедуре лингвистического описания, по-видимому, следует считать *когнитивное содержание словесных феноменов, мыслимое аутентичными участниками коммуникации*. В целом, по вопросу о том, что представляет собой факт словесного коммуникативного процесса, необходимо справляться не у «системы языка» (ведущей в ситуации новозаветных текстов к неадекватности), а у реальных информантов (знавших ситуацию непосредственно и доподлинно), определяя их аутентичные лингвистические практики.

Тем не менее представленные в статье позиции классицистов («пуристов») и гебраистов по умолчанию признают «язык» в качестве инструмента или организма, т. е. полностью игнорируют условность этого понятия: “To speak of a dialect as a coherent grammatical subsystem of a language it must be possible to demonstrate that it has a consistent syntax, morphology and phonology, which is definately distinct from and yet related to that language”¹⁷. В результате возникает несколько странная

¹⁷ «О диалекте как о когерентной грамматической подсистеме языка следует говорить для

картина языкового процесса («авторы Новозаветного корпуса писали на языке, которого не знали», «письменный текст изобилует неотрефлексированными оговорками», «литературный текст имеет все признаки разговорного койнэ» и многое другое). По-видимому, преодоление данной методологической установки возможно в области коммуникативных, функциональных, когнитивных исследований. При этом инструментальное и/или биологическое понимание языка, послужившее причиной методологического тупика в новозаветных исследованиях, указывает на неверно избранные ориентиры научного поиска.

В качестве заключения приводятся упомянутые в статье неясности и противоречия, которые возникают при использовании *прежних* моделей описания и которые могут быть разрешены и объяснены при *коммуникативном* подходе.

1. Идея о том, что язык Евангелий является вне- (или мало-)литературным, является отправной точкой исследований в области новозаветной лингвистики. Эта идея возникает из прямого сопоставления евангельского языкового материала с «языком» греческой (ионийско-)аттической прозы, в то время как сам факт сопоставления нельзя признать допустимым: эллинская литературная традиция с принятой и аутентичной для нее типологией языковых моделей в высшей степени обособлена от иудейской грекоязычной литургической традиции с аутентичной для нее вербальной типологией Септуагинты. Лингвистические модели Септуагинты существуют как нелитературные греческие от начала, их типология возникает вне всякой связи с (ионийско-)аттической топикой и без каких-либо претензий на следование ей. Этот «язык», напротив, усваивает в определенных чертах организацию древнееврейского текста и, таким образом, конституирует особую языковую типологию. Она закреплена в постоянно читаемом и слушаемом корпусе священных текстов, в иудейской литургической практике, замкнутой и отстраненной от стихии греческой словесности, и эта ситуация не предполагает никаких параллелей и пересечений с языком греческой литературной традиции. Именно поэтому прямое сопоставление этих языков невозможно. Сравнивая эти языки, исследователь с некоторым приближением попадает в ту же ситуацию, как при сопоставлении церковнославянского с современным русским литературным языком и, находя между ними различия, констатирует, что богослужебный язык — ненормализованный и внелитературный.

2. Как эллино-, так и семитоцентричная точка зрения явно или подспудно констатирует отсутствие нормализации в языке Евангелий. В изложенной выше концепции «норма» этого языка конституируется особой коммуникативной ситуацией — фактом традиции этого языка, фактом общепринятости в сфере иудейской религиозной практики и фактом единой деклической типологии, обнаруживаемой как в нарративном тексте Септуагинты, так и в нарративных текстах Новозаветного корпуса. В таком случае, действительно, нет ничего странного в том, что целый корпус литературы создан рядом авторов, использовавших единые нормализованные языковые модели.

того, чтобы показать, что он имеет устойчивый синтаксис, морфологию и фонологию, которые определенным образом отличаются от этого языка и в то же время связаны с ним» — *Horsley G. H. R. The fiction of «Jewish Greek»*. P. 31 (Перевод мой. — А. В.).

3. Евангелист Лука оставляет «нормативный» язык и переходит к «ненормализованному языку», избыточному семитизмами, потому, что последний в действительности представляет собой вполне нормализованную практику создания текста, отличную от (ионийско-)аттической, но равноправную в своей замкнутости и литературной авторитетности в глазах традиционного иудейского сообщества. Иначе говоря, о религиозных событиях в жизни богоизбранного народа, обращаясь к самому народу, автор третьего Евангелия не мог выражаться на языке чуждой литературной традиции, а вполне адекватно прибегнул к принятому в литургической практике иудеев традиционному способу организации текста. Точно таким же образом поступили авторы и других новозаветных книг, независимо от того, какой язык был для каждого из них родным.

4. Обширный корпус грекоязычных сочинений арамеоязычного Иосифа Флавия не дает примеров семитизмов, в то время как новозаветные сочинения избыточны семитизмами. Такое положение дел возникает не потому, что явление билингвизма было актуальным в случае новозаветных авторов и не имело места в случае Флавия. Невозможно констатировать непосредственное проникновение разговорного узуса в литературный текст, соответственно, сама теория билингвизма в том виде, в котором она существует на сегодняшний день в новозаветной лингвистике, должна быть упразднена или значительно скорректирована. Очевидно, что процесс создания литературного текста подчиняется не разговорным штампам и калькам из речи билингвов, а всецело зависит и диктуется параметрами коммуникативной ситуации, осознаваемой автором, — аудиторией, культурно-религиозной традицией, принятой в ней типологией языковых моделей. Для иудейской религиозной традиции и греческой литературной традиции способы создания аутентичных текстов различны. Именно поэтому иудейский историк как субъект эллинской литературной традиции пишет на языке (ионийско-)аттической прозы, без каких-либо семитизмов, а новозаветные авторы воссоздают совершенно иные, не эллинские, образцы текстуальности (ср. в современной русскоязычной ситуации практику создания литературных текстов, с одной стороны, и практику написания современных литургических текстов на церковнославянском языке).

5. Констатация грекоязычной иудейской традиции и аутентичной для нее единой типологии языковых моделей, опираясь на которую без посредствующих семитских оригиналов могли писать все новозаветные авторы (будучи субъектами иудейской религиозной традиции), позволяет пересмотреть методологическое значение поиска арамейских или древнееврейских оригиналов, а также поиска аутентичных греческих норм для определения лингвистического статуса новозаветных источников. Особенности использованных языковых моделей, по-видимому, следует искать в параметрах коммуникативных ситуаций, не всегда доподлинно известных исследователям.

Ключевые слова: лингвистический статус, язык Септуагинты и Нового Завета, методология лингвистического описания, эллиноцентричная и семитоцентричная позиции, традиционные практики грекоговорящей иудейской диаспоры, коммуникативная модель.

THE PROBLEM OF THE LINGUISTIC STATUS OF BIBLICAL TEXTS

A. V. VDOVICHENKO

The linguistic status of biblical texts (LXX and NT corpus) sets a problem, which being unsolved leads to the incoherence of language concepts of these literary sources. The methodological instruments of two basic linguistic trends of interpreting them (Greek-orientated and Semitic orientated) allow just asserting that the given sources were written on a poor literary (colloquial) language («atticistic viewpoint»), or were just word-by-word translations («hebraistic viewpoint»). Obvious contradictions in the accepted descriptive model exhibit its incapacity. In the article, in particular, it is underlined the *impossibility* of 1) that the whole literary corpus had been created by using a not-normalised language, 2) that the authors of the Gospel, being participants of the Judaic Greek-speaking tradition, wrote on a not-normalised language, when addressing to the participants of the same tradition (Greek-speaking communes of Jews and Judeochristians), 3) that the author of the third Gospel, first, demonstrates the masterly Attic language in the *prooimion* to the Gospel, but after that rather unexpectedly shifts to a «not-normalised barbarous language», 4) that Semitic (Aramaic or Hebrew) original texts existed only for a small part of the huge corpus of literary facts (Judaic and Christian apocrypha and pseudo-epigrapha) which actually exhibit «Semitisms» everywhere, 5) that the theory of bilingualism could be acceptable in its present version (Silva, Horsley). The theory of bilingualism is obviously incorrect in actually denying the reflexivity and intermediatevness of the author's writing process; in admitting the strong dependence of an author's literary language from his/her native spoken language; in actually denying the very means of interacting between the author and the audience; in admitting inadequacy of relations «author-audience»; in denying the very existence of the literary Jewish Greek-speaking tradition having centuries-old linguistic practices (including literary). In the article the case of Josephus Flavius is represented to illustrate the incapacity of the bilingualistic approach.

The key for solving the problem of the NT and LXX linguistic status lies in the sphere of the general linguistic methodology, demanding considerable updating on the basis of modern communicative considerations about natural verbal process (in particular, it is necessary to considerably reduce the system approach to the facts of verbal communication).

Keywords: linguistic status, Septuagint and the New Testament language, methodology of linguistic description, atticistic and hebraistic viewpoints, traditional linguistic practices of Judaic greek-speaking diaspora, communicative model.